

БАБУВИСТЫ, «КРАСНАЯ ОПАСНОСТЬ»
и ПРОПАГАНДА ДИРЕКТОРИИ (1796—1798)

Перевод Л.М.Бродской

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1961. С.95-120.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

Все материалы о Бабефе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

А.Матьез. Термидорианская реакция <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>

А.Собуль. Политические аспекты санкюлотской демократии http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_dem.pdf

М.Домманже. Бабеф и заговор равных http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommanj.pdf

П.Щеголев. Заговор Бабефа http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf

П.Щеголев. После термидора: очерки по истории термидорианской редакции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf

Ф.Буонарроти. Заговор во имя Равенства <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p85037962.htm>

К.Добролюбский. Термидор http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book

Д.Бовыкин. Год 1795: несостоявшаяся реставрация http://vive-liberta.narod.ru/journal/dbov_95.pdf

И.Эренбург. Заговор равных <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80853458.htm>

О Карно <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carnot>

О Баррасе <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#brs>

Монархист Доссонвиль 21 флореала IV года (11 мая 1796 г.) по поручению Директории арестовал Бабефа и его штаб; в последующие дни было арестовано 245 человек, и Карно лично, со всей строгостью следил за осуществлением этих репрессий. Для Директории, как и для современников, речь шла о новой попытке «террористов» вернуть себе власть. После разоружения предместий, более года тому назад, они не могли уже больше рассчитывать на открытое восстание и поэтому организовали тайный заговор и, стремясь придать своей попытке достаточную силу, старались обеспечить себе поддержку недовольных в армии¹.

Как реагировали народные массы на арест заговорщиков? Какую выгоду извлекло из этого дела правительство? Какое распространение получили идеи бабувистов во Франции? Вот вопросы, на которые необходимо ответить, чтобы представить себе подлинное положение вещей. Эти вопросы были поставлены Альбером Матьезом более тридцати лет тому назад. Его ответ был довольно неопределенным, прежде всего потому, что он не ставил своей целью исчерпывающее рассмотрение этих вопросов и, кроме того, он не располагал документацией, которая позволила бы разрешить их. Нет никакого сомнения, что он собрал бы более полные сведения для своей книги о Директории, которую смерть не дала ему закончить. Он ограничился лишь выводом: «...Толпа, несчастная и изнуренная, осталась безучастной перед фактом ареста этих людей, которые выступали как ее защитники. Пресса Директории, пресса умеренных и роялистов одобряли аресты. Они размахивали красным пугалом...»

В самом деле, реакция народных масс на следующий день после ареста Бабефа оказалась очень слабой. В Париже были арестованы все непосредственные руководители движения, а скомпрометировавшие себя бывшие члены Конвента скрылись. Герой Варенна, Друэ, был задержан, и его арест имел определенный смысл: он должен был оправдать рассмотрение

¹ В статье использованы следующие архивные материалы (рукописи): Archives Nationales: AF^{III} 45 (бумаги Барбе); AF^{III} 99 (донесения и переписка); AF^{III} 260 и сл. (сведения о выборах); AF^{III} 281—294 (сведения о депутатах, исключенных в флореале VI года); V^{1a} (донесения о выборах); VV¹ и VV⁵ (сведения о чиновниках судебного ведомства); C (выборы и собрания); F^{IC} 31—32 (циркуляры и прокламации Директории); F^{IC} (общественное мнение и выборы, департаментская серия); F⁷ 3054, 3645, 4276—4277, 6211, 6807 (сведения о бабувистах и о деле Гренельского лагеря). Bibliothèque Nationale: Nouv. Acquisitions Françaises, VII, 2718; выборы VI года, департамент Сены — 23 641, 23 642 и 23 654; бумаги Рёбеля.

дела бабувистов в Верховном суде в Вандоме, который, впрочем, предстояло еще организовать, поскольку к тому времени он еще не был создан. Какому другому суду можно было предать бабувистов? Военному суду или Чрезвычайной военной комиссии можно было поручать только разбор преступлений, совершенных военными, дел о подстрекательстве к дезертирству или подобных им, что в данном случае не имело места. Следовательно, в данном случае не могли действовать так, как поступили, причем чрезвычайно поспешно, несколько месяцев спустя с делом Гренельского лагеря или делом королевских агентов. После того как сценарий с Друэ был разыгран и дело уже достаточно продвинулось вперед, чтобы можно было передать его в какую-нибудь другую судебную инстанцию, а подсудимые отправлены в Вандом, Друэ устраивают побег. Баррас сам взял на себя ответственность за этот побег, организация которого итак приписывалась ему общественным мнением, и несомненно, так дело и обстояло. Между тем, по-видимому, никто среди членов Директории не протестовал этому всерьез. Что касается Ларевельера и Летуэрнёра, то в важные тайны и в дела, требовавшие ответственности, их вообще никогда не посвящали. Последний следовал за Карно, а первый не мог избавиться от страха перед террором. Теперь установлено, что Карно вел беспощадную борьбу против «террористов» как в силу своих классовых побуждений, так и вследствие стремления к «порядку и дисциплине», но главным образом из желания избавиться от столь стеснявшей его славы члена великого Комитета общественного спасения и отмежеваться от этого предосудительного прошлого, за которое совсем недавно его могли отправить в Гвиану, если бы он не считался «организатором победы». Карно встречался и беседовал с бабувистами, и не только с доносчиком Гризелем. Друэ похвалялся непосредственными связями с Карно и тем, что посылал ему письма, и это представляется вполне вероятным. Поэтому можно полагать, что Карно во всяком случае ничего не предпринял, чтобы помешать своему коллеге устроить побег Друэ. К тому же между ними существовала определенная солидарность². Рёбель, как известно, колебался, продолжать ли ему борьбу против «террористов», и также, несомненно, одобрял исчезновение Друэ. Между тем для Директории, или, скорее, для трио — Карно — Летуэрнёр — Ларевельер, бабувизм представлялся красной опасностью. Карно выступал как истинный прокурор Директории против всех, кто был хоть немного скомпрометирован и не имел каких-либо прав на его благодарность или снисходительность. «...Нельзя сомневаться в том, — пишет его биограф Марсель Рейнар, — что Карно боролся против демократов со всей своей энергией. После 18 фрюктидора он будет похваляться тем, что преследовал «это сборище безнравственных и неисправимых существ, сеявших беспорядок, недовольство и ужас по всей Республике». Возникает вопрос, откуда такая беспощадность? Несомненно, интенсивная пропаганда бабувистов в армии непосредственно затрагивала Карно, ведавшего в качестве члена Директории всеми военными вопросами. С другой стороны, презрение Бабефа к так называемым талантливым людям возмущало Карно... Наконец, ему важно было открыто порвать со своим прошлым; разве его не смешивали с этими «террористами», с этими анархистами? Разве Лепелетье не писал ему, что демократы признали директоров, и в частности его, Карно, «лишь для того, чтобы облегчить дело восстановления Конституции 1793 года и сделать их первыми и главными агентами этого плана возрождения?» Нужно ли напоминать, что для общественного мнения, которое не могло заглянуть в сокровенные тайники совести и разобраться в более или менее неуловимых изменениях позиции, все члены Директории были «дареубий-

² 18 фрюктидора Баррас в свою очередь не принял никаких серьезных мер, чтобы помешать бегству Карно.

цами», четверо из пяти — монтаньярами, а один из них, и именно Карно, — товарищем Робеспьера и Сен-Жюста, большую часть взглядов которых на спасение страны он одобрял (несмотря на все свои старания в период реакции доказать противное), вместе с которыми он уничтожил другие фракции и основные мероприятия которых, даже наиболее страшные, скреплял своей подписью?

Итак, бабувистов арестовали, но какое распространение получили их идеи? После Матьеза именно Жорж Лефевр показал, что, в сущности, мало кто понимал разрушительный характер проектов Бабефа и Буонаротти. Историческое значение Бабефа и его учения уяснили значительно позднее. Его коммунистические идеи вдохновили впоследствии революционеров XIX в., и в этом отношении его значение громадно. Но в тот момент, правда, в течение короткого времени, в этом движении видели лишь новую «фракцию»; это слово чаще всего встречается в официальной переписке. Движение стремились охарактеризовать как «террористическое», и это было тем легче, что в нем были замешаны, наряду с подлинными бабувистами, никому не известными, многие бывшие члены Конвента, которых недавно амнистировали и которые были известны всем, например, помимо Друэ, Барер, Ленде, Вадье и Амар, если говорить только о бывших членах Комитета общественной безопасности и Комитета общественного спасения. Таким образом, для Директории, как и для широкой публики, заговор Бабефа или «Заговор равных», как его стали называть позже (в ту эпоху было более распространено название «заговор всеобщего счастья»), означал в основном возвращение к террору. Отсюда и эти наименования: «террористы», «робеспьеристы», «прериалисты», «маратисты», смещиваемые с наименованиями «бабувисты» или «анархисты», или с такими еще более общими и неопределенными, как «крайние», «исключительные» или «дезорганизаторы». Менее прав, стремясь установить различие между бабувистами и террористами; однако он не упоминает о том, что рассматривает этот вопрос в его историческом развитии, чего не могли, конечно, сделать современники. Это различие несколько прояснится, как мы увидим в дальнейшем, лишь в результате крайностей пропаганды Директории. До того как угрожающие правительственные сообщения вызвали тревогу собственников, бабувизм представлялся скорее политической, чем социальной опасностью. Жорж Лефевр замечает, что речь шла о борьбе против террористов, и показывает, что это движение рассматривали как движение террористов: «Коммунистические идеи Бабефа... не пользовались в тот момент большим влиянием... и если бы заговор увенчался успехом, коммунизм, несомненно, не был бы установлен во Франции: крестьяне весьма склонялись к общинным традициям, но они желали оставаться независимыми; что касается парижских рабочих, то они, несомненно, остались равнодушными...». Как часто повторял Жорж Лефевр в беседах с нами, бабувизм был, как и движение санкюлотов во II году, своеобразным «Народным фронтом» и переговоры между Повстанческим комитетом и бывшими членами Конвента, группировавшимися вокруг Амара, с целью определить соотношение между числом бабувистов, которыми предполагалось дополнить Конвент от департаментов, и числом бывших депутатов, в точности напоминают переговоры, обычно сопровождавшие все действия «Народного фронта».

Что писали парижские и провинциальные газеты? В первый момент почти ничего, кроме неопределенных разглаговольствований о миновавшей якобинской опасности. Париж остался безучастным. В провинции силы, если их можно так назвать, бабувистов и других «террористов» были настолько разрознены и неуверены в себе, что и здесь ничего не могло произойти. Матьез изучил список подписчиков газеты «Tribun du

Peuple» и пришел к интересным выводам о распространении движения в провинции, которые представляются нам, однако, недостаточно убедительными. Матьез не может отказаться от мысли, что если газета определенного направления имеет подписчиков в том или другом месте, то это означает, что большинство этих подписчиков одобряет ее политическую линию и ее основные идеи, в то время как речь может идти, и наверняка идет, лишь о неподдающемся точному статистическому учету меньшинстве, а также о любознательных, официальных лицах или органах, интересующихся данным направлением по долгу службы или по обязанности, и даже о явных врагах, желающих ознакомиться с точкой зрения противника. Матьез сам отмечает имя Тибодо, которое, как он пишет, представляется неуместным в этом списке. Другие, менее известные имена, несомненно, свидетельствуют о том, что это не единственный случай. В деп. Коррез бывший депутат Бриваль позднее, в VI году Республики, был избран в качестве приверженца Директории собранием, состоявшим из умеренных и контрреволюционеров, причем это не означает, что он эволюционировал, ибо за 13 месяцев до этого он преследовал двух своих прежних коллег, шпионы за ними, и донес на них как на защитников «террористов» и дезорганизаторов³. Другой подписчик — Вернерэ из деп. Ду: в 1798 г. демократы отвергли его кандидатуру, а якобинец Брио охарактеризовал его как «одного из самых подозрительных» республиканцев. Также трудно признать за «террористов» и таких людей, как Меоль или Девиль. Еще один пример: Денуайе — юрист из Нёвиля (деп. Луаре) никогда не считался «крайним». Вероятно, имеются и другие подобные же случаи. Что касается подписчиков из Поррантруа и Монбельяра, о которых упоминает Марсель Рейнар, то дело, несомненно, идет о двух «террористах», а также о двух кабатчиках, которые подписывались для своих посетителей, как это отмечал и сам Матьез. Нельзя сомневаться, и мы в дальнейшем в этом убедимся, что некоторые районы Франции были более затронуты пропагандой, причем это относится главным образом к средиземноморским областям, а именно к деп. Воклюз, Буш-дю-Рон, Вар и Приморские Альпы. Там тоже большую роль играли кабатчики и книготорговцы, например в Эксе — книготорговец Мосси. Поэтому мы не считаем возможным согласиться целиком с категорическим заключением Матьеза: «...Мы совершенно уверены в том, что эти 642 подписчика имели личные причины интересоваться успехом Бабефа, что все они более или менее пострадали от термидорианской реакции и жаждали мщения...» В этом как раз мы совершенно не уверены.

Положение вскоре изменилось и, как это ни странно, в этом была повинна сама Директория. Хотя у нас очень мало сведений по этому вопросу, но нам представляется, что контрпропаганда Директории зашла слишком далеко, неволью способствуя подлинной пропаганде идей бабувистов. Несмотря на то, что «Tribun du Peuple» имела 642 подписчика, несмотря на почти ежедневно появлявшиеся афиши (правда, в одном только Париже), эти идеи были еще слишком мало известны. Можно не сомневаться, что расклейка афиш с «Анализом доктрины Бабефа» от 20 жерминаля достигла меньшего результата, чем прокламации Директории, которые распространялись комиссарами в каждом департаменте Республики. Начиная с 25 жерминаля прокламация, составленная Ларевельером, была разослана также по всей Франции. Матьез, цитируя эту прокламацию, подчеркивает следующие слова: «...они хотят провести в жизнь ужасный кодекс 1793 года, осуществить раздел собственности, даже самых мелких хозяйств и самых маленьких лавок...», что, естественно, являлось ложью, как и привычное обвинение в «желании вновь воздвигнуть эшафоты» и не менее обычное обвинение в том, что они «подкуплены английским золотом». Таким

³ Письмо в АР^{III}99 (439).

образом из прокламации в прокламацию, из статьи в статью Директория вбивала этот гвоздь, который должен был поднять всех собственников, прежних и новых, против новоявленных террористов и создать священный союз собственности. Но в то же время она содействовала популяризации в народе этих новых идей. Этот вопрос требует и заслуживает более тщательной проверки на материалах провинций. Все же нам кажется несомненным, что Директория, если она и достигла в тот момент поставленной цели, в то же время содействовала пропаганде ниспровергающих социальных идей бабувистов, и они совершенно официальным путем постепенно проникали в народ. Даже некоторые комиссары оказались зараженными ими, и в VI году мы обнаруживаем их рядом с «анархистами». Наконец, была пущена в ход иллюстрированная афиша, изображавшая анархию, наносящую удар клинком Фрагции, восторженно созерцающей напечатанную Конституцию III года. Жорж Лефевр очень хорошо подметил эти последствия контрпропаганды Директории и ее двойкий результат: «...Страх, который испытывала буржуазия... был скорее безрассудным страхом богатого перед беднотой, которая копошится на улице».

Распространению идей бабувистов способствовали также некоторые мужественные газеты, главным образом «Journal des Hommes libres» Ватара. Между тем другие газеты преувеличивали опасность, «Moniteur» шелась с ними, и вскоре была сфабрикована официальная версия, согласно которой заговор Бабефа, намереваясь возродить терроризм, стремился главным образом осуществить вантозские декреты, «аграрный закон» — этот любимый козырь буржуазии, которая уже несколько месяцев тому назад обвинила в этом Лебуа, нового редактора газеты «Ami du Peuple».

Богатых буржуа, скушников национальных имуществ, спекулянтов и поставщиков охватил страх. Их было много, и они пользовались большим влиянием. В V году Директория пожнет то, что посеяла в это время. Этот страх перед «разделителями» носил тот же характер, что и в 1848 г. Этот страх, эта бешеная ярость, своего рода истинный самозащиты богачей охватили правительство, ставшее жертвой паники, которую оно же само вызвало, преувеличив небольшую опасность, чтобы с тем большей легкостью изгнать злых духов. Именно тогда реакция достигла своей кульминационной точки, и роялист Воблан, приговоренный заочно после событий 13 вандемьера Военной комиссией, был оправдан Советом пятисот, постановившим немедленно восстановить его в звании депутата, причем это произошло еще до Гренельского дела.

Но мы считаем, что к этому внешнему освещению событий, данному историками, и прежде всего Жоржем Лефевром, следует присоединить те факты, которые труднее точно установить и проверить, а именно распространение в народе уравнилельных идей бабувистов, особенно благодаря усилиям официальной пропаганды. Историки нарисовали картину последовавшей затем реакции и «объединения» термидорианцев вокруг Директории. Матъез показал, какие департаменты пострадали от чистки, проведенной Директорией. Интересно подчеркнуть, что во всех указанных им департаментах мы обнаружим в VI году бабувистов или «исключительных»⁴, а также почти во всех других департаментах, на которые дополнительно указал М. Рейнар⁵. Было бы интересно установить причину этого совпадения: может быть, левые настроения существовали здесь уже в IV году или этот «вирус» проник сюда лишь позднее? В последнем случае мы вновь возвращаемся к тому же вопросу: не сыграло ли в этом распространении идей Бабефа известную роль чрезмерное усердие самой Директории?

⁴ В деп. Эн, Буш-дю-Рон, Ду, Юра, Луар и Шер, Мозель.

⁵ В деп. Па-де-Кале, Рона, Сарта, Воклюз.

Знаменательно также, что все члены Конвента, перечисленные Матьезом в качестве защитников бабувистов или «террористов», были избраны в 1798 г. и почти все исключены 22 флореаля: Мерлино, Ламарк, Лекиньо, Пессар, Изабо, Фресин, Венай, Тюрио, Коломбель, Тирион, Дюбарран, Пине, Дюко. Это относится и к лицам, не являвшимся депутатами и также подвергшимся «чистке» в VI году, к таким гражданским лицам, как Брио или Жою, и к таким военным, как генерал Дюфур, полковник Мале и генерал Мюллер (все из Безансона). В деп. Сарта комиссар Жуанно отрицал свою принадлежность к бабувистам, так же как и руководитель «исключительных» Базен, который в IV году называл Бабефа преступником и сумасшедшим, но теперь не скрывал своих симпатий к Антонеллю, Жермену и Лекуэнтру и говорил, что казнь Бабефа была убийством мученика свободы.

Тем не менее Карно удалась его «операция-паника»: 13 прериала IV года Совет пятисот склонился вправо, приняв требование об обвинении Друэ. Тальен, бывший своего рода барометром настроений термидорианцев, попытался сопротивляться течению, но поскольку он не пользовался доверием в Совете пятисот и в Совете старейшин, его попытка оказалась тщетной.

После этого имело место дело Гренельского лагеря. До сих пор оно не получило достаточного освещения. Сиу и Менье, которые оставили нам самое подробное описание этого события, оба придавали ему реальное значение, но первый из них не блещет объективностью, а второй — пронизательностью. Хотя Матьез и внес некоторые коррективы в их освещение событий, но и он не дал правильной картины. «...Группы якобинцев, — пишет он, — явились в Гренельский лагерь, чтобы побрататься с войсками и увлечь их за собой...» и далее: «они (солдаты) с нетерпением ожидали тех, кто должен был с ними брататься...». Анализ Жоржа Жавога, потомка одного из главных осужденных, более точен; он утверждает, что здесь имела место полицейская провокация, главная роль в которой принадлежала Центральному полицейскому бюро департамента Сена; два сотрудника последнего — Ансон и Бреон — были отъявленными роялистами, а Лимоден пользовался весьма дурной славой. Впрочем, и Матьез указывает, что у современников создалось такое же впечатление.

Однако, несмотря на наш большой опыт в изучении полицейских фальсификаций и провокаций, нам кажется, что это дело не было все же полностью подстроено заранее и что если здесь и имела место полицейская операция с использованием шпииков, доносчиков и провокаторов, то все же вполне возможно, что полиция только использовала инициативу «террористов», о которой она вовремя узнала, успев предупредить Карно и драгунских офицеров, прежде всего пресловутого Мало.

Если Матьез безоговорочно присоединился к мнению Жавога, то Лефевр более осторожен. Он пишет: «...эти опасения не были лишены основания: если народ и не поднялся, то все же оставались еще якобинцы, которые с помощью всегда недовольных военных надеялись предпринять еще одну попытку; волнения в Гренельском лагере казались им многообещающими и... они рассчитывали, что санкюлоты, возможно, пойдут за ними... Они намеревались предпринять более серьезную попытку, имевшую целью поднять восстание в Гренельском лагере»; «...правительство, по словам Барраса, было предупреждено об этом за две недели, или точнее, Карно и Летуриёр были предупреждены полковником 21-го драгунского полка Мало...».

Итак, это был Мало, к которому обратились наивные военные, столь же неосторожные, как и те, что раньше осведомили Гризеля. Возможно, что Мало был предупрежден своими подчиненными и сообщил о готовя-

щихся событиях двум директорам. Таким образом, мы снова возвращаемся к Карно. Совершенно очевидно, что этот последний, вместо того чтобы задушить этот заговор в зародыше, не предупредил об этом даже своих коллег, кроме своей тени — Летуриёра, желая дать делу созреть, дабы иметь возможность арестовать как можно больше участников. Чтобы с полным правом утверждать, что здесь имела место инсценировка полиции, необходимо располагать точными доказательствами, которых такие люди никогда не оставляют. Нам приходится ограничиваться только предположениями, догадками. Однако такие факты, как арест лиц, находившихся очень далеко от лагеря, советы соблюдать осторожность Феликсу Лепелетью, предупредительность, с которой дана была возможность следить за Тальеном и Фрероном, но так, чтобы оставить вне подозрения Барраса, создают впечатление о тщательной подготовке, об искусной инсценировке, что побуждает нас отдать предпочтение предположению Жоржа Жавага.

Нам нет необходимости вновь поднимать вопрос о противозаконности предания обвиняемых суду Военной комиссии. Дело рассматривалось позднее кассационным судом, который опротестовал приговор Военной комиссии. Но это не могло уже воскресить расстрелянных... Следует отметить, что кассационный суд нельзя заподозрить в сочувствии якобинцам, поскольку незадолго до того он оправдал роялистов за преступления, в которых обвиняли Бротье и его соучастников. Он мог только систематически проявлять свою враждебность к военной юстиции. Известна также жестокость этой Военной комиссии, заседавшей в Тампле, которая неоднократно выносила приговоры, превышавшие по своей строгости требования прокурора. Она вынесла 33 смертных приговора без права апелляции, в том числе трем бывшим членам Конвента, из которых двое еще избежали этой участи в прерииале III года.

Нам кажется также, что до сих пор еще не достаточно выяснены споры, происходившие по этому поводу внутри Директории. Ясно, что Карно, Летуриёр и Ларевельер составляли большинство, но что делали Баррас и Рёбель? Последний высказал свое мнение в одном документе, который имеется в его личном архиве⁶, но еще не издан: «...Именно Карно руководил расправой в Гренельском лагере, но он ни о чем нас не предупредил; я упрекнул его за это, но он в свойственной ему оскорбительной манере ответил мне, что это дело касается военных, подразумевая Летуриёра и себя самого... У него была злосчастная привычка подозревать других в том, что они действуют в своих частных интересах или говорят обратное тому, что думают, в результате он часто попадал в силки, расставленные для него людьми еще более ловкими, чем он, в искусстве скрывать свои мысли... Именно после этого дела он отделился от нас, чтобы вести собственную политику, создавая как бы государство в государстве...».

Однако весьма вероятно, что Мерлен проявил еще больше рвения, чем Карно. По крайней мере, так утверждал Баррас, и это кажется логичным, хотя к заявлениям Барраса следует относиться с большой осторожностью. Что касается Барраса, то он сам не сделал ничего, удовольствовавшись защитой своих личных друзей. Об этом говорят, с одной стороны, Ларевельер, а с другой, — Бернадот. По рассказам некоторых лиц, Баррас спал так крепко, что ничего не слышал; он будет спать не столь крепко и будет более бдителен 18 фрюктидора!

Он успешно действовал со своей обычной хитростью и, несмотря на то, что общественное мнение считало его организатором побега Друэ, которого он якобы даже укрывал, он выгородил Тальена и Фрерона, а также своего сильно сомпрометированного приятеля Ботто. Совершенно очевидно, что эти три человека не были обвинены только потому, что тогда пришлось бы

⁶ Bibliothèque Nationale, Nouv. Acq. Françaises, 23 642.

добраться и до Барраса. Матъез очень ясно и не смягчая выражений охарактеризовал политику, которую стала проводить Директория после Гренельского дела: «...Это правительство объятых страхом буржуа отождествляло интересы республики со своими интересами; оно не понимало, что республика может существовать лишь вместе с теми, кто ее создал и защищал от великих опасностей. Оно не понимало, что, уступая требованиям „прикнувших“, оно подготавливало их победу на будущих выборах; оно само подрывало свою власть и не понимало, что пустило волка в овчарню...».

Марсель Рейнар, желая оправдать Карно, придерживается другого мнения: «...Если Директория была непримиримой к заговорщикам, если она создала дело Гренельского лагеря..., то все же следует признать, что члены Директории обрушивали удары на своих врагов как справа, так и слева. Когда Гош сообщил им о своих опасениях по поводу усиления правых, они ответили ему, что воспротивятся этому... Правительство не поощряло инициативу на местах и разоблачения самих правых, даже когда это был Карно, главное заинтересованное в этом вопросе лицо». Рейнар высказывается еще более ясно: «...Правительство проводило политику центра...». Может быть. Но мы не видим, чтобы Директория равномерно распределяла свои удары. Если Директория и наносила удары как по правым, так и по левым, то в одном случае это был острый меч, а в другом — деревянная сабля. Впрочем, Рейнар сам смягчает свое утверждение, спрашивая: «...Взвесила ли Директория должным образом возможности и силы, на которые она могла рассчитывать при проведении своей политики? Считала ли она себя достаточно сильной, достаточно сплоченной, чтобы дать им возобладать?»

По-видимому, большинство Директории проводило политику в интересах правых, политику объединения, но ее скоро опередили правые из Совета пятисот и Совета старейшин, которые, естественно, увлекли за собой центристов, опасавшихся, что правительство бросит их на произвол судьбы, и боявшихся (ибо это были большей частью члены Конвента, которые в будущем плохиозе должны были подвергнуться жеребьевке), что Директория будет отныне благосклонна к умеренным. Ключ к решению этой проблемы таится, как нам кажется и как говорит об этом Рейнар, в значительно более прозаическом факте — в постоянной озабоченности предстоящими выборами. Выборы должны были начаться пресловутой жеребьевкой среди членов Конвента, и можно представить себе тревогу «перманентных» тогда, когда новые депутаты составили бы две трети, в то время как бывшие члены Конвента составляли бы всего лишь последнюю треть, которая должна была окончательно исчезнуть. По-видимому, именно эта безотрадная перспектива объясняет, почему Директория, склонявшаяся до Гренельского дела в сторону Советов, теперь придерживалась по отношению к ним совершенно иной политики.

Именно тогда началось наступление монархистов V года. Как же реагировали на это, с интересующей нас точки зрения, с одной стороны, Директория, а с другой, — бабувисты и другие крайние? В самом правительстве еще до выборов наблюдалось явление, повторившееся год спустя, но как раз в противоположном духе. В вантозе правительство обнаружило, что его захлестывают правые, вернее, это понял Ларевельер, ибо именно на него опирались при осуществлении нового поворота правительства. Этого труса охватил отчаянный страх. Но во всяком случае его опасения были вполне логичны. Карно и Летурнёр продолжали вести свою линию. Можно задать себе вопрос, действительно ли Директория перестала заигрывать с правыми контрреволюционерами, чтобы вновь раскрыть объятия левым термидорианцам, т. е. действительно ли она проводила «политику каче-

лей) или же, как считает Марсель Рейнар, имело место лишь «движение весов»?

Это движение или эта политика Директории начинается с момента разоблачения заговора Бротье. Однако Директория была значительно менее свирепа, и ее позиция была куда менее убедительна, когда она разоблачала деятельность роялистских агентов, чем тогда, когда она метала громы и молнии против бабувистов. Это факт, но ему не придавали должного значения. Конечно, можно сказать, что движение вправо стало теперь очень сильным, почти неудержимым, что должны были ясно показать выборы. Теперь будто бы ничего не оставалось делать. Депутаты Законодательного корпуса уже заняли свои места. Но это объяснение не может быть удовлетворительным. Разве Директории не следовало быть гораздо более суровой к монархистам, врагам республиканской формы правления в силу самой своей природы, чем к бабувистам или якобинцам, пожалуй, «крайним», но, однако, прежде всего республиканцам. Конечно, это был совершенно разный страх, причем страх перед социальной опасностью был куда сильнее, чем страх перед опасностью политической. Кроме того, Директория не верила тогда в возможность реставрации королевской власти. Не опасалась ли она гораздо больше аграрного закона? На этот вопрос не дал ответа ни один историк.

Принято считать, что заговор Бротье был разоблачен после того, как ему дали созреть, чтобы создать противовес раскрытому за десять месяцев до того заговору Бабефа, поскольку оба процесса должны были происходить одновременно. Бывшему члену Комитета II года это напомнило борьбу, проводившуюся одновременно против разных фракций. Это всегда соответствовало задачам политики центра, политики золотой середины. Но может быть, все обстояло гораздо проще, и речь шла просто о новом предвыборном маневре, о крупном козыре? Сбить с толку и в то же время воспрепятствовать пропаганде монархистов, объединив вокруг розового знамени, несколько подвращенного на данный случай Директорией, искренних республиканцев, и, напугав конституционных монархистов, оторвать их от приверженцев старого порядка — вот чем представляется нам «дело Бротье», простой тактический маневр в предвыборных целях, а вовсе не начало тонко задуманного стратегического плана, знаменитой политики «качелей». С этой оговоркой можно согласиться с Марселем Рейнаром, что во всяком случае здесь имело место «движение весов», но цели его были более чем скромные.

В каком состоянии находилась демократическая партия в момент победы монархистов? Ослабленная, разобщенная, количественно почти ничтожная — такой предстает она перед нами весной 1797 г. Но в эту картину можно внести поправки. Нам очень мало известно о том, как реагировали бабувисты, якобинцы или «террористы» на события как до, так и после выборов V года. Мы знаем лишь, что первыми реагировали на них войска. Обладали ли они более острым чувством необходимости защищать республику благодаря притоку новобранцев или в силу своего положения, или они реагировали главным образом потому, что бездарность каких-нибудь контрреволюционеров угрожала им в лице их начальников? Во всяком случае их петиции, бесспорно, подняли дух демократов внутри страны, придали им силы. Итальянская армия и армия Самбры и Мёза соперничали в извительности своих прокламаций. Только армия Рейна и Мозеля, где тень Пишегрю парализовала людей, так же как двусмысленное, а затем и подозрительное поведение Моро, хранила спокойствие. После яростной атаки Дюмонlara против Бонапарта, после темного дела о приближении солдат Гоша к границе, очерченной вокруг Парижа, которую армии, согласно Конституции, не должны были переступать, отношения испорти-

лись; затем посылка Бонапартом Ожеро и Гошем Шерера для совершения государственного переворота.

Но Директория уже решительно склонилась влево. К какому моменту относится этот новый поворот? В жерминале антибабувистское правительственное большинство (Карно — Летурнёр — Ларевельер) отвергло радикальный проект Ребеля кассировать все выборы и осуществить весной парламентское 18 фрюктидора, но без помощи армии. 7 герриала, в день вынесения в Вандоме смертного приговора Бабефу и Дартэ, состоялись выборы Бартеlemi, однако это совпадение заметили очень немногие.

В Сент-Антуанском предместье и предместье Сен-Марсо проиходили некоторые волнения, если верить бурной речи Дюмолара, но в донесениях полиции об этом нет ни слова, и друг Карно, министр полиции Кошон, отрицал это. Может быть, Кошон злился потому, что он рассчитывал быть избранным правым большинством в члены Директории. Жорж Лефевр считает, что волнения были вполне возможны, причем они были вызваны, по его мнению, не только результатами выборов. В обоих предместьях вновь возникают демократические клубы, как и в предместье Монмартр и даже в Вожираре. Они кажутся более значительными для этой эпохи, чем даже наиболее известный Конституционный клуб; в провинции также вновь возникают клубы. Даже в Конституционном клубе, наряду с буржуа, защищавшими прежде всего собственность, мы находим депутатов, которые год назад, в разгар антиякобинских репрессий, возражали против жестокого преследования бабувистов, пытались помешать обвинению Друэ и вырвать якобинцев, арестованных по делу Гренельского лагеря, из рук Военной комиссии в Тампле. Мы находим здесь снова Тальена и людей значительно более левых и значительно менее подозрительных, которых мы обнаружим вновь рядом с «террористами», и даже настоящих бабувистов VI года, как Антонелль, Сижа или Тиссо.

Демократическая печать вновь воспряла духом и весьма показательно, что намеки на заговор Бабефа прекращаются почти во всех газетах, кроме откровенно контрреволюционных листков. Более того, официальные и официозные органы вроде «*Rédacteur*», «*Moniteur*», «*Ami des Lois*» и «*Clef du Cabinet*» возобновляют, даже до событий в мессидоре, свои нападки на правых.

Однако у нас очень мало документов, свидетельствующих о деятельности крайних. Все же нам удалось найти один документ этого времени. Это донесение полиции по поводу сообщения комиссара деп. Ньевр⁷. Он сообщает о создании «Лиги департамента Ньевр» и весьма педантично перечисляет ее руководителей. Главным руководителем был Диоген Телай Делор, бывший член Революционного комитета и администрации департамента, которого «Бабеф намечал в члены своего Конвента». Из 23 других лиц, перечисленных в сообщении, трое прямо названы бабувистами, а именно Шеврийон, бывший хранитель документов заключенных, ныне судебный исполнитель при Директории в Париже, «в доме которого происходили тайные собрания фракции Бабефа»; двое других названы «анархистами», шесть человек являются членами террористической комиссии Лиона, остальные члены революционных комитетов — «террористы», «маратисты», которые носят прозвища Брута, Спеволы и т. п. Наконец, в качестве их покровителей документ упоминает двух бывших членов Конвента — Этиньяра и Сотеро: эти два депутата будут вновь избраны якобинскими выборщиками в VI году. В качестве их покровителя в Париже указывается еще «Фуше из Нанта». Самое курьезное в этом документе то, что один из разоблачаемых демократов охарактеризован как «человек,

⁷ АГ^{III} 99 (438).

утверждающий, что он имеет связь с пражданами директорами Карно и Летурнёром». Скорее можно было бы ожидать имя Барраса.

В это же время центральная администрация деп. Ду вернула Пьера Жозефа Брио, который год назад в результате доносов был отправлен в армию простыми солдатом. Вообще брожение в провинции было гораздо большим, чем это принято думать: доказательством могут служить донесения в вантозе VI года, о которых пойдет речь ниже. Эти донесения часто относят возобновление деятельности «исключительных» к периоду, предшествовавшему 18 фрюктидора. Известно, что новые клубы были закрыты по решению Совета пятисот 5 термидора (23 июля 1797 г.). Накануне произошли перемены в составе министров. Эти перемены свидетельствуют о решительном повороте Директории, располагавшей теперь бумагами д'Антрэга. Ребель и Баррас платили Карно той же монетой; предупреждая, тревожа и волнуя Ларевельера, они держали Карно в стороне от этих разоблачительных документов. Таким образом, с момента замены министров начался новый «день одураченных», и если Баррас имел теперь своего Талейрана, то и Сотен в полиции, Франсуа в министерстве внутренних дел и Шерер в военном министерстве не были сторонниками поощрения правых. Это было понято тотчас же.

До 18 фрюктидора «террористы» не дают много пищи для разговоров; однако они дали о себе знать на следующий же день после государственного переворота. Именно тогда вновь выдвинулась на первый план эта амальгама бывших «террористов», якобинцев, бывших членов Революционных комитетов, а также бывших бабувистов. Исследования по этому периоду истории Директории носят пока фрагментарный характер и не позволяют, к сожалению, сделать общих выводов. В Париже, в то время как Ларевельер выступает с речами, Баррас действует, окруженный целым штабом бывших парламентариев-военных (Шатонеф-Рандон, Ру-Фазийяк, Дельма). Сотен набирает в полицию таких «кровопийц», как Тиссо или Лашвардьер. Сижка возвращается в военное министерство, а полковник Жорри производит чистку.

Из донесений, послывшихся в Лондон хорошо информированными эмиссарами-роялистами (с которыми нас познакомил Жак Годшо), мы узнаем, что якобинцы «вышли на улицу»; как сообщает Уикхему Дандре, 18-го в девять часов триста якобинцев собрались в Сент-Антуанском предместье и во главе с Россиньодем отправились в Люксембургский дворец. Недовольство бабувистов, которых Директория использовала, чтобы поднять дух войск, прибавляет Дандре, лишит правительство его сторонников. В заключение он указывает, что «анархисты активны, мужественны и бесконечно преданы... они будоражат армию». Несколько позднее один эмиссар сообщал, что правительство хочет использовать наследников Бабефа, вождем которых будет Россиньоль. Они собираются в двух клубах, один возглавляет тот же Россиньоль, другой — некий Депре из Вожирара. Число их сторонников будет все возрастать за счет всех недовольных, неимущих и безработных, которых весьма много, особенно в строительном деле. Жерж Лефевр на основании собранных им данных сообщает, что в провинции было уволено 600 муниципальных агентов и их заместителей. Столь же значительные перемены произошли и среди административного персонала, причем было уволено 45 департаментских комиссаров, т. е. около половины, которых заменили более горячими демократами. Само собой разумеется, что искренность этих последних нуждается в подтверждении. Среди всех этих лиц, назначенных Директорией после 18 фрюктидора, конечно, были и такие, которые не заслуживали особого доверия, но в большинстве это были, несомненно, хорошие республиканцы. Во всех изучавшихся нами департаментах — Сарта, Кот-д'Ор, Верхняя Луара, Ду,

а также в Тулузе — мы наблюдаем возвращение якобинцев. Замена административного персонала продолжалась довольно долго — от вандемьера до пловизоа VI года, сначала в более близких к Парижу местностях, а затем и в более отдаленных. В деп. Ду Вернер возвращается на свой пост главы администрации, среди других членов администрации мы снова обнаруживаем Перригэ из Иль-сюр-ле-Ду, честного человека, который до конца оставался республиканцем⁸. В деп. Мон-Террибль житель Поррант-рюи, Гела (Guelat), отмечает в своем дневнике: «Мы со страхом узнали о революции, которая произошла 4 сентября в Директории; несомненно, это не судит ничего хорошего...». Со своей точки зрения он не ошибся, ибо в департамент очень скоро вернулись якобинцы, бывший священник Вуазар, «напяливший колпак с лисьим хвостом как якобинец», вскоре вернулся также известный Ранге (Rengguer), первый «проповедник революции» в прежнем Базельском епископстве, а с ним бывший член Конвента Леман и три других пылких демократа из того очень небольшого числа демократов, которые вообще имелись в этом маленьком департаменте. Комиссары кантонов также принадлежали к числу этих «ужасных людей», от которых избавились в результате чистки в III году. Хорошо известны и другие примеры.

В печати это движение обновления было столь же интенсивным. Вместо 42 монархических газет, закрытых на основании последней статьи закона от 19 фрюктидора, появились новые, и некоторые из них проводили не только идеи фрюктидора. Если Барбе, воспитатель детей Рёбеля, которого мы знаем благодаря этюду, посвященному ему Матьезом⁹, возобновил издание «*Messenger du Soir*», к величайшему негодованию супруги бывшего издателя-роялиста Шорта, и придал газете направление, угодное Директории или, точнее, Рёбелю, если «*Rédacteur*» и «*Moniteur*» были правдоверными защитниками принципов фрюктидора и курили фимиам «великому» полководцу Ларевельеру, то другие газеты, часть которых оказалась весьма недолговечной, пошли гораздо дальше. Таким образом, в газетах снова можно было встретить некоторые забытые имена: Лебуа, Бонвиль, Балла, Меэ... И если даже многие из этих газет оказались недолговечными, то сам факт их появления весьма знаменателен. Так, например, «*Démocrate*» (руководимый Меэ де ла Туш¹⁰, личностью, несомненно, темной) разоблачал роялистов и даже умеренных, которые избежали чистки в фрюктидоре, преследовал почти ежедневно «*Tибодо — barre de fer*» и требовал для него места в «тележке», которая увезла в фрюктидоре его друзей. «*L'Impartial républicain*» Дарсе (племянника и бывшего сотрудника Барбе и «*Vouche de fer*», а также будущего редактора «*Echo des cercles patriotiques*» того же Барбе) особенно отличалась в преследовании термидорианцев-ренегатов, таких как Луве или Мерлен из Тионвиля, «Мерлен-Крез», «владельца Мон-Валерьяна». Это должно было импонировать Рёбелю, смертельно посорившемуся тогда с Мерленом, хотя со времени осады Майнца он был тесно связан с ним. Язык «*Réveil des départements*», редактировавшейся Л. М. Анрикезом (бывшим врагом Марата, но в то же время бывшим соперником Эбера и бывшим сотрудником

⁸ В X году префект Жан Дебри сообщал о Перригэ, что во время плебисцита относительно установления пожизненного консульства он посмел голосовать против, заявив при этом: «Я никогда не подам свой голос за тирана, как бы он ни называл себя — королем, императором, триумвиром или пожизненным консулом». Это, добавлял ревностный префект, «один из тех ужасных людей, людей принципов, которые тоскуют по эшафотам, открыто сожалеют о временах жестокой тирании децемвиров и мечтают об идеях (sic!) Робеспьеров, Маратов и Бабефов».

⁹ A. Mathiez. *Le Directoire* (посмертное издание Ж. Годшо). Appendice I. Le bureau politique du Directoire, p. 358—374.

¹⁰ J. R. Suratteau. *Etude sur quelques journaux fructidoriens* (inédite).

«Bouche de fer» Бонвиля), был чрезвычайно резкий, вольный и прубый, как и полагалось приверженцу «Père Duchesne». Особенно следует отметить «Défenseur de la Constitution» Л. Ж. Ф. Балуга из Перигё, которому покровительствовал депутат Ламарк, председательствовавший на заседании 19 фрюктидора, также бывший эбертист, перешедший в 1796 г. на сторону Бабефа (последний наметил его депутатом в свой Конвент). Уже в третьем номере газеты Балуга из Перигё яростно обрушился на «подлую военную комиссию», рассматривавшую дело Гренельского лагеря, и призывал учеников «Всеобщего счастья» к мести, а затем открыл подписку в пользу жены и детей народного трибуна. «Великими людьми» для Балуга, заимствовавшего для своей газеты название газеты Робеспьера, были Антонелль, Ламарк и Гэ-Вернон, избранный впоследствии, в VI году, в деп. Верхняя Вьенна вместе с «крайними» и исключенный в флореале; враждебные Директории генералы — Изар и Пилль и особенно Бонапарт. «Какая армия!.. Какой генерал!». В этих газетах можно встретить выражения и лозунги, напоминающие о II годе, достойные скорее «Père Duchesne», чем Бабефа.

Оживление деятельности «террористов» наблюдалось до плювиоза, угроза по-прежнему исходила от правых. Демократы брали одну высоту за другой. В плювиозе — вантозе Директория снова совершает поворот. Выше уже были названия характерные для того периода имена. 16 фримера (6 декабря 1797 г.) Ламарк добился вотирования компенсации для бабувистов, оправданных в Вандоме. Гийемарде (Guillemardet) добился постановления о проверке бывшими депутатами полномочий вновь избранных; сбылось, таким образом, пророчество роялиста Дюмолара, казавшееся таким смешным в V году¹¹. Затем, в плювиозе, тот же Гийемарде добился от Советов избрания нового члена Директории, до того как вновь избранные депутаты приступили к исполнению своих обязанностей. По решению Совета пятисот 45 департаментских центров, признанных недостаточно республиканскими, начиная с цивоза были лишены права выбирать депутатов, которое было предоставлено небольшим городам, проявившим более республиканский дух. На этот раз Совет старейшин не последовал за Советом пятисот. Но интересно отметить, что комиссары, посланные в вантозе для организации застав, охарактеризовали половину из этих 45 благонамеренных городков как очаги анархии, в последние месяцы в некоторых из них были даже закрыты конституционные клубы. И если нам ничего не известно о других городах, то это еще не значит, что они были приверженцами Директории.

Жорж Лефевр в свою очередь замечает, что взрыв был вызван двойным предложением Понса из Вердена. Понс предложил оставить открытыми до вантоза списки лиц, пользующихся гражданскими правами, что позволило бы участвовать в голосовании большому числу демократов, которые в силу обстоятельств были обречены на частые переезды и не могли предьявить свидетельства о проживании в течение года на одном месте. Но главное, он предлагал включить в эти списки всех тех, кто захотел бы записаться, уплатив сразу налоги в размере трехдневной заработной платы. Оба эти предложения, принятые Советом пятисот, были дважды отвергнуты Советом старейшин. «Совершенно ясно, — писал Жорж Лефевр, — что речь шла о том, чтобы республиканцы, которые в V году не могли вследствие белого террора быть включены в списки лиц, пользующихся гражданскими правами, теперь были бы восстановлены в своих правах и могли бы голосовать...». Дискуссия ясно показала, что депутаты, стоявшие близко к директорам, но не к Баррасу, выступили против этого предложе-

¹¹ См. нашу статью о выборах V года.

ния, но тем не менее можно отметить, что Понс не был исключен в флореале.

Начиная с плювиоза или вантоза Директория возобновляет борьбу против опасности слева. «Постепенно,— пишет Жорж Лефевр,— убедились, что число голосующих роялистов будет незначительным; новый террор устранил их. Следовало ли опасаться, что ослабление монархистов послужит на пользу якобинцам?» Теперь роль Карно в правительстве взял на себя Мерлен, в этом нет ничего удивительного, ибо, обладая столь же властным характером, Мерлен, кроме того, был в свое время автором закона о подозрительных и теперь также старался замолить многие свои грехи. Напомним, что в IV году он, как утверждают, хотел пойти даже дальше Карно в репрессиях против бабувистов. Будучи более хитрым и изобретательным, он был и более последователен и коварен. Это он в III году хотел полностью лишить прав гражданства всех тех, кто не обладал никаким имуществом, так как, говорил он, «тот, кто ничего не имеет, не может быть гражданином, ибо ему нечего защищать...» Его политика состояла в том, чтобы предупреждать события. Он пытался предупредить возможный успех демократов. Впрочем, следует отметить, что теперь Директория была единодушна или почти единодушна. Ларевельер, этот парадоксальный «демократ» в фрюктидоре, был прежде всего антиякобинцем; Рёбель, методичный человек с властным характером, также не терпел никакой оппозиции; он руководил дипломатическими и военными делами с момента проскрипции Карно и каждый вечер отправлялся в свой загородный дом в Аркёй; Франсуа де Нёфпато, превосходный администратор, играл в этой второй Директории ту же роль, что Летуриёр в первой, т. е. роль марионетки. Оставался Баррас, роль которого в тот период казалась не вполне ясной. Он похвалялся тем, что пытался воспрепятствовать этому новому антиякобинскому наступлению. Но если он и поддерживал демократов, то ему связывал руки Талейран — его креатура, бывший объектом яростных нападок левых, главным образом Жорри, личного врага бывшего епископа, а поскольку Рёбель тоже ненавидел министра иностранных дел, Баррасу приходилось быть настороже. Его упрекали также и за Бонапарта, ставшего большой помехой. Наконец, клика Тальенов и Фреронов, поддерживавшая Барраса, была на весьма плохом счету у подлинных демократов, многие из которых оставались или вновь стали робеспьеристами. Следовательно, можно предположить, что поддержка Баррасом якобинцев должна была быть весьма относительной и непостоянной. Все же можно отметить, что во время выборов VI года два южных департамента избрали Барраса вместе с передовыми демократами и даже двумя явными бабувистами; следовательно, его считали, по крайней мере в Париже, настоящим демократом.

Главным проявлением роста левых сил было увеличение числа новых клубов — конституционных клубов в Париже и департаментах. У нас очень мало подробных исследований, посвященных этим клубам, и приходится ограничиться уже упомянутыми местными исследованиями. В Париже, по данным роялистского агента, пославшего донесения в Лондон, было создано три клуба. В наиболее известном из них наряду с умеренными революционерами были и более левые. Особенно следует отметить клубы Сент-Антуанского предместья и предместья Сен-Марсо. Во главе клуба Сент-Антуанского предместья стоял Антонелль, а также некоторые «возвратившиеся», как, например, Сантерр и, вероятно, Нолен. Клубом предместья Сен-Марсо руководили два брата Лепелетье, а также некоторые члены Конвента, в том числе Фуше. Мы почерпнули также некоторые сведения о клубах в досье Национального архива. В деп. Приморские Альпы, в клубе города Ниццы, господствовали бабувисты, руководителем

которых был Виктор Тиранти, богатый нотариус, намечавшийся Бабефом в члены его Конвента. Трое из пяти назначенных Директорией администраторов (председатель уголовного суда, общественный обвинитель и секретарь суда) также охарактеризованы как «крайние», а двое (Скюдери и Карабалона) — как бабувисты. В деп. Дордонь было весьма много клубов, где преобладали «исключительные патриоты», «кровопийцы»; наряду с несколькими лицами, игравшими чисто местную роль (Ларигоди, Миллере, Рау), мы обнаруживаем бывших депутатов Пессара, Пине и Лаланда — настоящих демократов. Пессар дал приют и работу в бюро администрации знаменитому Бруту Манье. Эти демократы находились под покровительством депутата Ламарка, бывшего жирондиста, который был, однако, весьма близок с Друэ. Клубы в деп. Алье и Ду, где мы снова встречаем Брио и Перигэ, в деп. Юра и Луара, где дебатами руководит комиссар Директории Ферран, в деп. Монблан, Майенн, Пюи-де-Дом, Соны и Луара, Воклюз и Вьенна охарактеризованы как «якобинские». В деп. Сарта имелось 25 клубов, пять из которых организовали шествие. Каждую декаду из Мана отправлялась процессия, во главе которой гарцевал уроженец Дуэ генерал Камбрэ, которому вначале покровительствовал его земляк Мерлен. В шествии участвовал комиссар Директории, рядом с ним шли члены муниципалитета Мана, члены департаментской и муниципальной администрации, многочисленные чиновники. Они шли от одного городка к другому; в полдень все получали «праздничный суп», а затем устраивали собрание в бывшей местной церкви. Эта практика распространилась и на деп. Луар и Шер, где также командовал Камбрэ, особенно в Вандоме, Монтуаре и Блуа. Клубы в Шато-дю-Луар и Экоммуа, а затем в Ла-Флеш и Сен-Кале последовали этому примеру, а также, несомненно, клубы в Шато-Гонтье в соседнем деп. Майенн. В деп. Кот-д'Ор имелось девять клубов, а в чрезвычайно консервативном деп. Верхней Луары клуб в Пюи играл роль пугала.

Так шло революционирование городов и деревень, как в самые прекрасные времена Террора. Часто, как, например, в Ницце, застрельщиками являлись администраторы, назначенные Директорией после фрюктидора; в числе их можно упомянуть Латрея, председателя центральной администрации деп. Шаранта в Ангулеме (которому покровительствовал депутат Бельгард), Шартье в Шато-Гонтье, Перигэ в Иль-сюр-ле-Ду. Часто это были комиссары Директории; кроме уже упомянутого выше Феррана, назовем Феликса — комиссара при муниципалитете Ангулема, Гасто — комиссара Директории в деп. Приморские Альпы, Удебера в деп. Сарта, Барта в деп. Од, Беллюге в Фуа, Сютиля в деп. Об, Русселя в Поррантрюи. В Поррантрюи и Монбельяре клубы просвещали деревни, клуб в Дель также организует процессии в соседние кантоны. Что касается деп. Мон-Террибль, то всеми делами там руководит Руссель вместе с Ранге (Rengguier), своим родственником капитаном жандармерии Прикеле и другими якобинцами. Среди них мы вновь встречаем бывших деятелей времен Террора. Девятнадцать человек, подписавших манифест клуба Поррантрюи, это «кровопийцы», бывшие члены Революционного комитета, наблюдательных комитетов коммуны, дистрикта или департамента во II году, те, которые создали культ богини Разума, бывшие приверженцы Гобеля, последователи за ним, когда он открылся от сана у решетки Конвента. В их числе было двое подписчиков «Tribun du Peuple». В Монбельяре это были «патриоты 93 года», «пришпешники Бернара из Сента», те, кто способствовал революционированию этой местности.

Директория начала борьбу против этих клубов. Сначала Директория увеличила число своих прокламаций. 6 плювиоза она опубликовала циркуляр по поводу выборов вместе с анонимным сообщением, озаглавленным:

«Способ наиболее удачного выдвижения кандидатов в первичных собраниях». 17 вантоза была расклеена большая прокламация по поводу выборов. 25 шлювиоза Сотен был отстранен и заменен северянином Дондо, креатурой Мерлена. С середины месяца было уже закрыто несколько клубов, причем начали с клубов Перигё и Перпиньяна. 15 вантоза были закрыты клубы в Мане, Вандоме и Блуа. Теперь Директория изобрела свое главное обвинение: роялизм в красном колпаке. Она разоблачала «роялистов в красных колпаках, которые, притворяясь демагогами, хотят восстановить монархию в пользу герцога Орлеанского...». В прокламации от 9 жерминаля (7 марта 1798 г.) повторяется то же обвинение. Оно не ново: давно уже правящие круги обвиняли всех левых в том, что они помогают монархистам, согласно логическому выводу «Is fecit qui prodest» *. «Крайних» обвиняли в том, что они могут способствовать отходу от республики многих почтенных граждан, т. е. фактически играют на руку врагам Республики! Так рассуждали Мерлен или Рёбель. В пририале термидорианцы точно так же обвиняли левых демократов в том, что они являются агентами монархистов. Но сейчас особенно использовали страх перед социальной опасностью. Это был главный аргумент. На первый план снова выдвигали защиту собственности. В этом отношении Рёбель действовал столь же яростно, как и Мерлен. Он защищает приобретенную им собственность в Эльзасе и в пригороде Парижа. Вопреки словам, которые приписывает ему Баррас: «...я обвинял Робеспьера только в том, что он был слишком мягок» (любопытное эхо слов самого Робеспьера, произнесенных им 8 термидора: «Нам ставят в вину нашу суровость, а народ упрекает нас за нашу слабость...»), мы нашли в бумагах Рёбеля длинное экспозе против Робеспьера, как против его кровавой тирании, так и против его социальных и эгалитарных идей¹². Нам представляется необходимым обратить более серьезное внимание на цитируемую Жоржем Лефевром официозную статью, напечатанную 14 жерминаля в «Moniteur». Продажный писак Директории с негодованием сообщает об «афишах, в которых наглый анархист, поклонник Бабефа, проповедует уравниательство, равенство Робеспьера, обещая тем, у кого ничего нет, отдать имущество тех, кто им владеет...». Нам кажется, что здесь намеренно залят в одну кучу анархистов, приверженцев Бабефа и террористов, «охвостье Робеспьера». Для Мерлена, Рёбеля и, само собой разумеется, для жирондиста Ларевельера бабувисты и робеспьеристы представляли собой одну и ту же опасность. Члены Директории были столь же искренни в своей ненависти, сколь солидарны в своих действиях.

Чтобы получить более верную информацию, ознакомиться с настроениями избирателей и подготовить выборы, Директория посылает в провинцию своих «missi dominici». Чтобы не привлекать к себе внимания, эти специальные комиссары должны были для видимости заниматься подготовкой введения пошлин за проезд на больших дорогах и размещения застав, взимающих пошлины¹³. Они были тщательно отобраны среди наиболее усердных и надежных чиновников. Они получили деньги: по словам Барраса, 185 тысяч ливров; а главное, имели право обещать их правительственным агентам, которым могли понадобиться деньги для усиления пропаганды и подкупа. С этой целью был разработан специальный шифр. В письмах полагалось говорить лишь о дорогах и заставах. Если будет написано «главный инженер», следует читать «комиссар департамента». Слова «состояние дорог ужасно» будут означать «умоастроение, весьма враждебное правительству» и т. д. Приписка «прошу выслать предусмотр-

* Сделал тот, кому выгодно (лат.). — *Прим. ред.*

¹² Bibliothèque Nationale, Nouv. Acq. Françaises, 23 654.

¹³ Archives Nationales, AF¹¹¹ 99 (349).

ренное» означает требование о посылке 1200 франков; просьба с присылке «стольких-то экземпляров сотого параграфа инструкции» будет соответствовать такому же числу сотеп франков; «параграф 5 статьи 6» значит пять раз по 60 франков, т. е. 300 франков. «Десятый параграф» значит 1000 франков и т. д. Однако некоторые из этих комиссаров стали писать яснее и вскоре отбросили этот несколько ребяческий шифр. Все это придумал и организовал Мерлеп, а не министр внутренних дел Летуриё, которому направлялась вся эта корреспонденция и который играл лишь роль почтового ящика: это был образцовый приказчик. К сожалению, для полноты картины (помимо Парижа) нам не хватает сведений о положении во всех северных и северо-западных областях Франции, переписка с которыми пропала, как и переписка с южными средиземноморскими областями, расположенными к востоку от Роны. Менье полагает, не приводя доказательств, что Баррас оставил за собой эту последнюю область как свой заповедник. Это вполне правдоподобно, ибо его друзья на юге были как раз теми «крайними», с которыми теперь собирались бороться. Комиссары выехали 7 вантоза и вернулись 20—25-го. Все они, за исключением Бако, который должен был посетить восточные области на Соне и деп. Юра, были правительственными агентами: Летелье для северо-восточных районов, Леконт для юго-восточных Альп и Севени, Бакон-сын для остальных районов Центрального массива, Буассе для аквитанских и пиренейских юго-западных районов, Морель для центрально-западных районов, Лемер для нормандских и бретонских западных районов, Пеш для долины Луары. Бако, бывший дипломат, бывший член Учредительного собрания и Совета пятисот, был личным другом Ребеля: он был более независим и видел во всем только одну опасность — опасность справа. Во время своей псездки он не нашел ни одного департамента, «зараженного» якобинцами, наоборот, он перечисляет департаменты, глубоко пораженные роялизмом.

Итак, при изучении этой переписки следует учитывать имеющиеся в ней пробелы, а также идейные разногласия. Учитывая все это, какие же все-таки сведения можем мы почерпнуть из этой важной переписки? При чем мы будем принимать во внимание только те сообщения, которые нашли подтверждение в инцидентах, произошедших в первичных собраниях и собраниях выборщиков в жерминале, а также в результатах выборов. Можно также сравнить эти донесения с многочисленными намеками в газете «Moniteur» между 1 вантоза и 15 жерминаля. В деп. Эн, Коррез, Луара, Луар и Шер, Пюи-де-Дом и в деп. Рона комиссары застав называют следующих бабувистов: Дюбрей и Дебо в Буре, бывший депутат Лано, Лакост, Фори, Жюмель, преподаватель «Ecole Centrale», Бори и Клержи в деп. Коррез, Грегуар Шана — сапожник и кожевник, намечавшийся Бабефом в члены его Конвента, Клод Сендидье в деп. Луара, бывший священник Брэ в Иссуаре, Коше в Лионе; «Moniteur» добавляет также Стапёра, прозванного Слепым, Террона и Лефевра-Лассера в деп. Нор. Что касается деп. Луар и Шер, то хотя посланец Директории и не приводит ни одного имени, однако он пишет: «Дороги в ужасающем состоянии и их не удастся исправить до тех пор, пока этот департамент будет вдохновляться духом Вандома...». В перечне «анархистов», «крайних» и «исключительных» мы находим имена: Беллуге (деп. Арьеж); Лаланд, Пессар, Ру-Фазийак, Пине, Ланксад (деп. Дордонь); Феликс и Латрей, которых мы уже упоминали, общественный обвинитель Лезидон и Февр (деп. Шаранта); Барбо-Дюбарран (деп. Жер); Ферран, Мартен и Сиов (деп. Луара); Альмеер и Делатр, которым покровительствовал депутат Тирион (деп. Мозель); Мерьядек Пьерре, племянник Тюрио, и Валлен (деп. Марна); Шартье (деп. Майенн), а также десять зачинщиков из деп. Рона: Бюрде, Вэнтринье, Доре, Дюриф, Дюкрию, Журне, Баронье, Вершемен, Верэ и

Полисар. Наконец, в качестве «робеспьеристов» или «прериалистов» названы: бывший депутат от деп. Арьеж Гастон, бывшие члены Конвента от деп. Коррез — Сотти и Плазане, Доле из деп. Монблан, бывший член Конвента Биоза от деп. Сюи-де-Дом, а также Лекинью и Делеэ (Dalehaye) от деп. Нор. Следует отметить, что в тех департаментах, где комиссар сам примыкал к передовой партии, он, естественно, не давал неблагоприятного отзыва о своих друзьях. Этим объясняется отсутствие сведений подобного рода по деп. Сарта или Верхняя Гаронна, так как оба департаментских комиссара, Удебер и Даст, как раз примыкали к «исключительным». Что касается деп. Сарта, то комиссар по заставам Морель пишет: «Я жду письма из Мана и напишу вам после его получения...», однако следующего письма в деле не оказалось. В деп. Верхняя Гаронна, помимо комиссара Даста, при тулузском муниципалитете был комиссар Дестрем, политическая ориентация которого слишком хорошо известна. В деп. Кот-д'Ор комиссар Директории Мюзар и депутат Удо защищали демократов, так же как Киро в деп. Ду. Отметим, наконец, что из перечисленных выше лиц 23 человека были избраны в следующем месяце депутатами или же должностными лицами администрации и устранены 22 флореаля¹⁴. Можно сказать, что эти демократы заранее были обречены стать жертвами будущих проскрипций.

Одновременно с этим перечислением «хороших» и «плохих» наши замаскированные комиссары должны были указать «главным инженерам» тех, кого Директория хотела бы видеть избранными; для этого у них были списки имен, расположенных в порядке предпочтения для каждого департамента. Несомненно, это не всегда проходило гладко. Понятно также, что Директория была всерьез напугана, читая донесения своих верных посланцев. Ибо ставка в игре была очень крупной. Согласно проверенным нами цифрам, которые были учтены Жоржем Лефевром в его новом издании XIII тома серии «Народы и цивилизации» («Peuples et Civilisations») ¹⁵, после исключения депутатов в фрюктидоре, число депутатов, которых следовало выбрать на срок в три, два и один год, достигало 437 человек. Как мы видели, Законодательный корпус сохранил за собой право проверки полномочий вновь избранных депутатов. Таким образом, 236 членов Конвента, выбывающие как последняя треть, участвовали бы вместе с 297 остающимися депутатами в чистке тех, которые должны были их заменить. В этих условиях Директория с некоторым нетерпением ожидала результатов выборов, а избрательный Мерлен задумал прибегнуть к методу раскола в том случае, если выборы окажутся все же неблагоприятными для правительства. Уже в предыдущие годы в нескольких департаментах бывали случаи раскола как на первичных или коммунальных собраниях, так и на собраниях выборщиков. В этих случаях только Законодательный корпус имел право узаконить выборы того или иного из соперничавших собраний. На выборах IV и V годов это также имело место. На этот раз Мерлен решил убедить приверженцев Директории в том, чтобы они прибегли к расколу и не подчинялись решению большинства, если большинство будет от них ускользать. Таким образом появятся два списка избранных, а утверждение желательного списка будет уже делом Законодательного корпуса. Но, очевидно, в вантозе ветер подул в другую сторону, и нашлись такие департаменты, в которых, несмотря на гастрольную поездку «комиссаров по заставам», местные правительственные агенты ошиблись и искренне или не искренне решили, что эта мера направлена

¹⁴ Гастон, Белдуге, Ру-Фазийак, Пессар, Пине, Лаланд, Ланксад, Сотти, Плазане, Барбо-Дюбарраи, Шана, Ферран, Мартеи, Сиов, Сендидье, Пьерре, Валлен, Шартье, Доле, Брэ, Альтмеер, Делатр, Бюрде, не считая Фресина и Венайя (деп. Луар и Шер), и избранного в Париже Биоза.

¹⁵ G. Lefèvre. La Révolution française. Paris, 1951, p. 452, note 1; p. 453, 488.

против роялистов; поэтому они организовывали раскол в тех случаях, когда им казалось, что число умеренных превышает число демократов. Так случилось в Поррантрюи, где комиссар Руссель, бывший депутат Леман и почти все администраторы, комиссары и агенты организовали раскол на первичном кантональном собрании, единогласно заявив: «Исполнительная Директория дала нам на это право...». То же произошло в Монбельяре и в соседнем кантоне. Изучение списков выборщиков во многих департаментах также показывает, что все или почти все комиссары, добиваясь раскола, становились на сторону «исключительных» против монархистов и даже умеренных.

Впрочем, конституционные клубы, которые не были еще закрыты, и даже те, которые подлежали уже закрытию, часто тщательно готовили эти важные выборы. В деп. Коррез члены Конвента Сотти и Плазене, якобинский генерал Марбо, покровительствовавший клубам городов Тюль и Иссель, составили список всех должностных лиц, подлежавших избранию. В деп. Дордонь, в котором нужно было выбрать шесть депутатов, пять администраторов, присяжного заседателя Верховного суда, трех членов трибунала и четырех гражданских судей (всего 19 человек), Ламарк, Пессар и Пине составили список кандидатов на все перечисленные выше посты, который и был утвержден, несмотря на то, что клуб в Перигё был закрыт одним из первых. В деп. Мон-Террибль Руссель, Леман, Ранге и их товарищи также составили список из десяти граждан — кандидатов на различные посты и предусмотрели даже заместителя генерального секретаря, который, по их списку, должен был быть избран на пост присяжного заседателя Верховного суда. Ранге под предлогом выполнения заданий администрации совершил оплаченную поездку в Бьенн и Мутье; он привлек на свою сторону монбельярцев, чтобы потом не могли сказать, что все посты распределили между собой только жители Поррантрюи. В деп. Сарта комиссар Удебер, которого только что отрешили от должности, также составил вместе с главой якобинцев Базеном, членами Конвента Бутеру и Лео (Lehault) и бывшим членом Учредительного собрания Менар-Лагруа список будущих избранных. И ни отрешение от должности комиссара, ни закрытие клубов, ни перемещение знаменитого генерала Камбрэ не уменьшило их рвения.

Следовательно, когда собрались первичные собрания, за которыми в конце жерминаля последовали собрания выборщиков по департаментам, игра была уже закончена. Конечно, имели место многочисленные случаи раскола на первичных собраниях, положение было чрезвычайно запутанным. Бывали случаи, когда расколы на первичных собраниях не приводили к расколу на собраниях выборщиков в тех же департаментах. Так, например, выборщики, назначенные на первичных собраниях, на которых произошел раскол, оказывались в меньшинстве на собраниях выборщиков и тщетно пытались расколоть и это собрание. В других департаментах, наоборот, раскол происходил на собраниях выборщиков, в то время как на первичных собраниях он не имел места. Наконец, были случаи, когда ни на первичных собраниях, ни на собраниях выборщиков не было расколов, причем это вовсе не значит, что они действовали в соответствии с желанием правительства. Наоборот, это часто происходило в тех случаях, когда левое большинство оказывалось настолько сильным, что приверженцы Директории, несмотря на предварительную официальную поддержку правительства, не могли организовать раскол. Не останавливаясь здесь на этих сложных деталях, нужно сказать, что общие результаты сразу же оказались очень неблагоприятными для Директории. Нашлось только несколько департаментов, четыре или пять, во всяком случае не более семи, в которых большинство, как и в прошлом году, оказалось на стороне

монархистов и контрреволюционеров¹⁶. Но по крайней мере в 40 департаментах большинство или вся масса избранных принадлежали к «исключительным», причем их число было, пожалуй, даже больше, так как многим из этих избранных удалось избежать флореальской чистки¹⁷.

Показательны имена и характеристики этих людей. Так, в деп. Эн, где в 1796 г. был казнен преподаватель Робен, избрали бывшего члена Учредительного собрания Жиро из Туари, «кровопийцу», «людоеда» и «ужасного человека», который сказал, что «гильотина отлично действует»...; выражение это было принято в эпоху Террора, следовательно, мы имеем дело с «террористом». В деп. Алье — это «исключительный» Мандон и нотариус Колен-Лакомб, обосновавшийся в Париже, по-видимому, бабувист. В деп. Верхние Альпы — это военный комиссар Флоримон Фаутен, которого обвиняли в том, что он «двуличен, слуга Робеспьера и Камилла Жордана» и в то же время «последователь Всеобщего счастья». Общественного обвинителя Барбатье, избранного в деп. Нижние Альпы, считали бабувистом, а депутата Гассанди — «крайним патриотом». Что касается деп. Приморские Альпы, то успех «партии дезорганизаторов» там был полным: Гасто был избран депутатом, Тиранти — присяжным заседателем Верховного суда, Скюдери и Карабалона переизбраны администраторами наряду с другими «крайними», бабувистами Рено и Бернарди, «исключительными» Воливе, Тремуа и Даидри (Daïderi). В деп. Буш-дю-Рон самое многочисленное собрание избрало четырех явных бабувистов — Эскалона, Вантюра из Марселя, Мосси из Экса и Антонелли, но в конце концов последний был заменен (не было ли это маневром?) приверженцем Директории; обе партии спорили насчет департаментского комиссара Поликарпа Констана и выбрали также Барраса. В деп. Арьеж, в соответствии с планом «исключительных», были избраны Гастон и Беллуге. В деп. Об был избран комиссар Сютиль, который не отмежевался от «исключительных патриотов», как и комиссар Барт, избранный в деп. Од. В деп. Ардеш о бывших членах Конвента Тулузе (Thoulouze) и Глезале и о некоем Валадье сообщалось, что они поддерживали связь с Пейяном и робеспьеристами. В деп. Коррез, в котором произошел раскол, огромное большинство осталось на стороне «исключительных», которые, в соответствии с заранее намеченным планом, избрали депутатами Сотти и Плазана, причем Лакост и его группа сохранили за собой посты в местной администрации. В деп. Дордонь единоголосно, с триумфом был переизбран Ламарк. Пессар, Ру-Фазийак, Лаланд и Ланксад были избраны в Законодательный корпус, а Пине — судьей. В деп. Ду самые левые провалили умеренных демократов, отклонили кандидатуру Брессона и даже Вернера — это была победа «исключительных». Киро был вновь избран, но только на два года, на три года избрали Пьера Жозефа Брио, а также в Совет старейшин — председателя прибунала Виолана, генерал Мишо был избран на пост присяжного заседателя Верховного суда, Перригэ — в администрацию. В деп. Жер Барбо-Дюбарран был избран присяжным заседателем Верховного суда. Зато в деп. Юра «крайние», несмотря на свою малочисленность (около 30 человек), организовали раскол и выбрали депутатами полковника Мале и еще одно незначительное лицо. В деп. Луара, где также произошел раскол, создалось обратное положение: приверженцев Директории, добившихся раскола, было так мало, что даже 22 флореаля их не решились признать. «Край-

¹⁶ Диль, Финистер, Форе, Эндр (?), Гар (?), Эро (?), Лис.

¹⁷ Эн, Алье, Нижние Альпы, Верхние Альпы, Приморские Альпы, Ардеш, Арьеж, Об, Од, Буш-дю-Рон, Коррез, Дордонь, Ду, Верхняя Гаронна, Жер, Эндр и Луара, Юра, Ланды, Луара, Луар и Шер, Марна, Майенн, Монблан, Мозель, Ньевр, Нор, Па-де-Кале, Пюи-де-Дом, Нижние Пиренеи, Верхние Пиренеи, Рона, Сона и Луара, Сарта, Сена, Сена и Марна, Сена и Уаза, Воклюз, Вар, Бьенна, Верхняя Вьенна.

ние», которых было большинство, избрали Шана, Сендидье, Феррана, Мартена и Сизюва — полностью весь штаб. В деп. Луар и Шер вместе с «людьми Вандома» были избраны два амнистированных бывших члена Конвента: Фресин, способствовавший революционизации всего района Льежа, и Венай, покончивший в дальнейшем самоубийством, чтобы не быть свидетелем победы Империи. Мы видели, как процесс в Вандоме всколыхнул этот департамент, ничем не отличавшийся прежде от своих соседей. Революционные традиции были живы здесь еще и в XIX в., особенно в эпоху Второй империи, именно здесь нашел тогда убежище Эжен Сю. В деп. Марна были избраны Тюрио, его племянник Мерьядек Пьерре, а также бабувист нотариус Валлен из Дормана, а в деп. Майенн — «исключительный» Шартье. Среди избранных в деп. Монблан мы находим Доне, на которого донесли в вантозе и которого исключили в флореале; он охарактеризован как «ярый сторонник абсолютного равенства». В деп. Мозель избрали Альтмеера и Делатра, в деп. Нор — Лекинью, бывшего члена Конвента, скомпрометированного в деле Гренельского лагеря и ныне амнистированного, и бабувиста Делеэ (Delehaye). Члены Конвента Этиньяр и Сотеро, покровительствовавшие разоблаченным бабувистам, годом раньше были избраны в деп. Ньевр. В Урте юдин из видных бабувистов, уроженец этих мест, генерал Фион был, как бы в отместку, избран присяжным заседателем Верховного суда — всего лишь год назад генерал стоял перед Верховным судом в качестве обвиняемого, хотя и был оправдан. В деп. Па-де-Кале Коффен, Кокюд, Тери и особенно Робер Краше были охарактеризованы как «верные слуги Жозефа Лебона, Бабефа и Дартэ». В деп. Пюи-де-Дом выбрали бабувиста Бре. В деп. Нижние Пиренеи оба избранника были лицами подозрительными: один из них, Лафон д'Арзак из По, — «анархист», как и Батбеда, избранный в деп. Ланды, где имел место двойной раскол и где выборы были затем аннулированы в флореале. В деп. Верхние Пиренеи «крайние» избрали Жан-Пьера, брата Барера. В деп. Рона, где собрание раскололось на три части, первое, наиболее, многочисленное, выбрало монархистов, второе — «анархистов» в том числе Бюрде, генерала Бертье; бывшего тогда начальником штаба Бонапарта, и отрешенного от должности бывшего министра Сотена. Четвертый пост был «для отвода глаз» предоставлен приверженцу Директории Вите; законом от 22 флореали были признаны действительными выборы третьего, самого малочисленного собрания. В деп. Сона и Луара были избраны «бабувист» Буссен, «префиалист» Желен, «маратист и бабувист» Бозон, а также Дюрё на пост присяжного заседателя Верховного суда и Бозю на пост председателя трибунала. В деп. Сарта одержал верх список «крайних» с некоторыми изменениями по сравнению с первоначально составленным; несмотря на поправки, внесенные 22 флореали Законодательным корпусом, оба члена Конвента — Бутеру и Лео (Lehault), бывший член Учредительного собрания Менар-Лагруа, смещенный с должности комиссар Удебер и два других избранных, Ардуэн-Ревери из Мамера и Изамбар, принадлежали все к одной партии, которая провела также своих кандидатов и в администрацию, на пост присяжного заседателя Верховного суда и в трибунал, куда после отказа его земляка Верите был избран Барре. «Их анархистские идеи хорошо известны», — гласит донесение.

Собрание деп. Сена заслуживало бы специального исследования. Ограничимся здесь лишь упоминанием нескольких знаменательных имен выборщиков. Из них 22 человека известны как явные бабувисты¹⁸ и более 120 человек пазвапы «членами Революционных комитетов,

¹⁸ По округам: Бодре, Фэн, Фексон, Жиле, Кодрон, Баш, Гомижон, Рекордон, Автоваль, Мажанди, Лемери, Броше, Бушевез, Легийон, Коконье, Тиболо, Марселен, Бо, Грослар, Декудр, Делпре (Desprez), Кунк.

революционными присяжными заседателями, террористами, сторонниками Бабефа, оправданными в Вандоме и замешанными в Гренельском заговоре», без дальнейших уточнений¹⁹. Между тем среди них были очень известные имена: Гийотен, Жорри, Кретьен, Маршан, Клеманс, Манье, Лашвардьер, Тиссо, Сантерр, Фэн, Бодсон, Одуэн, Баш, Гомижон, Рессон, Биоза, Антофель, Реаль, Сижа, Паганель, Паниц, Лемери, Жюльен., которые в официальных донесениях охарактеризованы как «ужасные люди», «жестокые люди», «кровопийцы», «сентябристы», «дикие звери». Раскол, которого так желали, произошел: большинство, располагавшее двумя третями голосов, осталось в соборе Орагуар, в то время как приверженцы Директории и роялисты (их было несколько человек из богатых кварталов: Мену, Домманже, Редон, Грийон-Дешалелль, Минье, Дерозье и Ламеньер — один из вожаков 13 вандемьера) собрались в музее Лувра. Имена избранных на собрании большинства весьма показательны: Тиссо, Сижа, Леблан, Гойе, Биоза — все «чистые якобинцы»; Робер Лэнде, генерал Мулен, Удар, Ламарк, Дюко — также известны как якобинцы; бывший министр Монж, депутат от Гваделупы Дюпюш и бабувист Гомижон, инвалид и кабатчик из Гро-Кайу, один из вожаков волнений в лагере Гренель, рядом с которыми мы находим Камбасереса, любителя есть из всех кормушек, Тальена и Берлие. В последний день после Гомижона собирались избрать Приёра (из Марны), которому в первом туре не хватало для абсолютного большинства только трех голосов, но собрание было закрыто, так как истек законный десятидневный срок.

В деп. Сена и Уаза выбрали бабувиста Жермена из Вирофлэ и приятеля Барраса Ботто; в деп. Сена и Марна — «известных анархистов», бывшего депутата Модюи и Жио. В деп. Воклюз были избраны полковник Буайе и Рафаэль Венсан, в деп. Вьенна — Дардийак, известные как «террористы». Между тем в деп. Верхняя Вьенна Дюма, «превосходный администратор, искренний патриот», превозносимый всеми, имел несчастье быть братом бывшего председателя Революционного трибунала, а бывший епископ, член Учредительного собрания Гэ-Верноп был объектом особой ненависти Риво, близкого друга Ребеля; этого оказалось достаточно, чтобы их сочли необходимым отвергнуть.

Таким образом, выборы VI года явились свидетельством неиссякаемой силы революционного демократического движения, этой «якобинской партии», которая представляла собой своеобразный «Народный фронт», объединявший, наряду с бабувистами, бывших робеспьеристов, маратистов, эбертистов и «шрериалистов». Это и была та «красная опасность», которой так боялись правители и собственники, это правительство, не имевшее за собой большинства. Именно это весьма ясно было признано Директорией в прокламации, помещенной в «Moniteur» 13 флореаля, когда Совет пяти-сот обсуждал результаты выборов в Париже: «...Не удивляйтесь, если на-

¹⁹ Гийотен, Жорри, Гойе, Кретьен, Маршан, Лер-Бове, Клеманс, Брут Манье, Лашвардьер, Ландражен, Тиссо, Сантерр, Бодсон, Ксавье Одуэн, Рессон, Биоза, Паниц, Реаль, Сижа, Мулен, Паганель, Удар, Дюпюш, Жюльен из Тулузы, Леблан, Кастель, Фолоп, Коноп-Пелерэн, Реньо, Добиньи, Монгальер, Кост, Вигье, Фламан, Сандра, Годфре-отец, Бюрте, Галанд, Сентобэн, Усмен, Кутансен, Марготэн, Бланшар, Корби, Монори, Гобер, Спронваль, Лавинь, Кретон, Ванек, Девинь, Амелин, Монтиньи, Бракмар, Креспен, Фике, Бушрон, Алавуан, Помпюи, Дюпарк, Бобе, Гуньон, Фоже, Дефонтен, Мэр, Виже, Блонделе, Фурнье, Рено, Барбье, Денизо, Фолландфан, Гастре, Матте, Лебан, Друз-Флёризелль, Лежён, Дельвинь, Буайе, Моро, Ролле, Бодёр, Гийо, Деланоссе, Гироде, Плонженэ, Левилэн, Монже, Крузе, Годфруа, Лекань-Делалаид, Буде, Ноэль, Гино, Дешамбо, Дрюжон, Гудон, Лежолье, Руваль, Нежан, Мерле-отец, Жакмен, Бюар, Пике, Клефф, Лабарр, Кнаппэн, Моннэ, Тобиссен (Tobissen), Камюзе, Маргерц, Клозье, Дюльон, Дюмулен, Дюпарк, Десэн, Гю, Нолэн, Гателье, Филасье, Бушра, Бере, Тронк, Потэн, Фурнье, Гремпель, Сержан.

ряду с несколькими опороченными именами²⁰ встречаются имена непятненные и безупречные²¹; не думаете ли вы, что эти люди, которые оскорбили Дону, поставя его на одну доску с учениками и сообщниками Жозефа Лебона и Бабефа²², которые оскорбили Сийеса и Барраса, поставив их рядом с самыми бешеными анархистами и с самыми гнусными убийцами Юга²³, не думаете ли вы, что эти люди имели республиканские и конституционные намерения? ...Законодатели, вы одержали победу над разговором Бланкенбурга в фрюктидоре, сегодня это разговор Сен-Джемского двора... Однако если удалить из собраний выборщиков тех, кто представляет лишь одну фракцию, и тех, которые были допущены, несмотря на незаконность их полномочий, то действительное большинство будет на стороне отколовшихся собраний... Присмотритесь к собранию в соборе Орагуар (в Париже): из 680 человек меньшинство никогда не насчитывало более 270 голосов. И все-таки на пятый день оно господствовало над всем собранием... Вспомните первые дни Конвента: кто был в меньшинстве и кто оказался в меньшинстве несколько недель спустя...». Этот текст, несомненно, не нуждается ни в каких комментариях.

17 флореаля Директория сместила всю центральную администрацию, только что переизбранную собранием выборщиков деп. Сарта, так как «своим поведением и своими воззрениями, тесными связями с руководителями фракции анархистов, разлагающих этот департамент, они доказали, что являются явными врагами Конституции III года...». В это же время были смещены «за анархистские принципы» все представители муниципальной администрации города Ман и три комиссара, которым удалось избежать чистки в вантозе. Следовательно, Директория не отказывалась от борьбы, она была уверена в своем большинстве в Советах еще в течение нескольких дней благодаря использованию ловко задуманных Мерленом заранее подготовленных знаменитых расколов. Итак, собирались прибегнуть к способу, изобретенному прошлой осенью демократами Советов, не желавшими повторения событий V года, — к проверке бывшими депутатами полномочий тех, кто так часто их побеждал. Нужно было торопиться, ибо до роковой даты — 1 прериала, когда вновь избранные лица должны были приступить к исполнению своих обязанностей, оставалось мало времени. Это было именно то, что предсказывал Дюмоляр, когда его обвиняли, будто он «выдумывает призраки, чтобы легче было побеждать их». Кто обвинял его в этом? Байёль и его друзья, люди Директории. Кто будет исполнителем этого грязного дела? Байёль и его друзья, люди Директории. Проверка была начата методично, согласно установленным правилам, департамент за департаментом. Это тянулось долго, очень долго, слишком долго!

К 15 флореаля было проверено всего лишь 15 департаментов, где возникли споры. Спор о выборах в деп. Сена затягивался до бесконечности. Этот спор показал, что верное правительству большинство сокращается, как шагреновая кожа. Нужно было спешить. Именно тогда, с 19 по 22 флореаля, Директория собрала своих Байёлей и им подобных. Человеку, осуществившему уже операцию 18 фрюктидора, была поручена и эта. В помощь ему дали Арди и Крассу, которые производили также чистку в фрюктидоре. По мнению самых ярых приверженцев Директории, следовало «помешать диким зверям проникнуть в Законодательный корпус». Кто же эти «дикие звери»? Ламарк, Гэ-Вернон, Роже Дюко, бывшие

²⁰ Тиссо, Сижá, Гомижон, Леблан...

²¹ Берлие, Тальен.

²² Краше, Кокюд, Коффэн, Терр, избранные в деп. Па-де-Кале, вместе с Дону.

²³ Антонелль, Мосси, Эскалон, Вантюр.

жирондисты? Директория ссылалась на различные аргументы правового характера. В действительности все определялось страхом, а также желанием некоторых любимыми средствами удержаться на своих местах. Началось с декретов о двух третях в 1795 г., теперь продолжали в том же духе и роковым образом вынуждены были продолжать и дальше.

Таким образом, этот псевдогосударственный переворот 22 флореалья привел к исключению большей части избранных «анархистов» или, по крайней мере, наиболее видных из них. Всего было исключено 106 человек; половина из них была заменена теми, на чье место они были избраны, а другая половина вообще не была заменена. Их посты оставались вакантными, потому что на выборах в их департаментах никакого раскола не произошло и на их место не было претендентов. Более того, следует отметить, что все избранные на административные или судебные должности и смещенные с них, а именно 17 присяжных заседателей Верховного суда, 18 председателей трибуналов, 14 общественных обвинителей, 11 секретарей суда, 4 судьи и более 56 администраторов, были заменены Директорией в соответствии с новым законом. Так как для чиновников судебного ведомства закон не давал точных указаний, пришлось спешно его дополнить. Директории были предоставлены те же права, какие она имела в отношении административных чиновников. Однако не все левые оппозиционеры были устранены, так же как не были устранены в фрюктидоре все контрреволюционеры. Жорж Лефевр полагает, что приблизительно 60 оппозиционерам-демократам удалось проскользнуть через сеть. Располагая подробными данными о результатах чистки, мы считаем, что эта цифра должна быть несколько увеличена, примерно до 80 и даже до 100 человек, если учитывать независимых республиканцев, враждебных Директории и ее слугам. Кроме того, среди избранных прежде были еще надежные люди, как Тало, Киро, Удо, Арена, Марбо, Журдан, Савари, а среди избранных вновь — такие, как Дестрем, Брюи, Тексье-Оливье, Гарро, Бергасс-Лазирюль. Это те люди, которые год спустя — 30 прериаля VII года — осуществят «государственный переворот», направленный против Директории.

Но еще до того состоялись выборы VII года, которые принесли победу якобинцам, своеобразному «Народному фронту», в котором бабувисты играли далеко не последнюю роль. Но это уже другой вопрос, и чтобы осветить его, потребовалось бы специальное исследование. Но и эта победа «исключительных» в VII году — это далеко еще не конец. Они позволили украсть у себя эту победу, подобно республиканцам 1830 г., которые позволили украсть ее у себя после трех славных дней. Мы вновь встретимся с бабувистами в брюмере и после брюмера. Бонапарт и Фуше нанесли им удар после покушения на улице Сен-Никез. Но они не сложили оружия. И в 1812 г. для Мале, одного из бывших «исключительных», избранных в 1798 г., настал его час славы, когда «орел впервые склонил свою голову...».